

## Пролог

Стоял знойный летний вечер.

В старом, полуразрушенном квартале узкие переулки переплетались в запутанный лабиринт. Редкие тусклые лампочки едва теплились, испуская болезненный желтоватый свет, которого едва хватало, чтобы разогнать мрак, но зато он причудливо играл на облупившихся стенах, рисуя глубокие, размытые тени. Воздух был тяжелым и влажным, каждый вдох отдавался в горле привкусом мусора и тлена.

Этот район давно подлежал сносу. Застройщики по десять раз на дню осаждали немногих оставшихся жильцов, регулярно отключая воду и электричество. Телевизоры ловили всего четыре канала, а большинство соседей уже давно забрали компенсации и переехали в новые дома. Застройщики действовали стремительно: стоило кому-то съехать, как здание тут же шло под снос, но строительный мусор никто не вывозил. Битый кирпич и обломки намеренно оставляли лежать грудями, словно выставляя напоказ запустение и грязь. Стоило пройти дождю, как это место превращалось в настоящее болото, а спустя неделю всё вокруг зарастало мхом, словно ковром. Каждый кирпич и каждая былинка здесь кричали об одном: здесь нельзя жить, убирайтесь немедленно.

Скромная лачуга, которую снимал Дин Цзыму, затерялась среди этих руин. Дом слева уже превратился в груды мусора, а справа — хоть и уцелел, но хозяева давно съехали, оставив после себя лишь пустой двор, заросший сорняками, в котором под тусклым светом фонаря порой мерещились призраки.

И сейчас там действительно стояла белая фигура, замершая прямо перед дверью Дина.

Дин Цзыму остановился и, не произнеся ни слова, уставился на эту огромную белесую тень.

— Малыш Дин, почему ты так поздно? — нетерпеливо бросила фигура.

Дин Цзыму слегка прищурился, глядя на тетушку Ван, которая за последние годы заметно раздалась вширь.

— Эй, эй, — тетушка Ван принялась яростно обмахиваться веером. От ее движений складки жира под белой хлопковой кофтой пошли волнами. — Я к тебе по делу. Со следующего месяца поднимаю плату за аренду. Накинь еще три сотни... Мне ведь тоже нелегко. Ты посмотри, как вокруг всё сносят! Ради тебя одного приходится бегать, договариваться, чтобы воду и свет не отключали. В такую жару я совсем из сил выбилась, посмотри, вся в потнице...

— Хорошо.

— Поэтому, понимаешь, я знаю... Ой, что ты сказал? — Тетушка Ван замерла, захлопав

глазами. Ее лоснящееся от пота лицо внезапно просияло.

Дин Цзыму слегка опустил голову, скрывая лицо в тени. Его глаза, отражавшие слабый свет, казались холодными и пронзительными. В них читалось нескрываемое раздражение, переходящее в угрозу. Тяжелый взгляд, пробивавшийся сквозь упавшую на лоб челку, словно впивался в лицо женщины, а уголки губ дрогнули в брезгливой гримасе. То ли из-за полумрака, то ли еще по какой причине, но ледяной взгляд Дина вдруг напугал тетю Ван. Она вздрогнула и, уже было собравшись бежать, на всякий случай переспросила:

— Значит, плюс три сотни?

— Еще что-то?

Тетя Ван привыкла видеть Дина мягким, улыбчивым и безотказным парнем, а сейчас вдруг почувствовала, что совершенно не узнает этого человека. Она простояла в оцепенении несколько секунд, после чего, повысив голос, выкрикнула:

— На следующей неделе жду деньги!

Сказав это, она поспешно развернулась и быстро зашагала прочь. Лишь добравшись до конца темного переулочка, она осмелилась пробормотать себе под нос:

— С чего это этот Дин сегодня взбесился?

Дин Цзыму, не обращая внимания на ее слова, толкнул ржавую железную калитку и шагнул во двор. Площадка была крошечной, не больше десяти квадратных метров, с разбитыми каменными плитами под ногами. Тусклая лампочка едва разгоняла мрак. Дин пересек двор и открыл входную дверь.

Внутри была обычная старая комната: двуспальная кровать, громоздкий платяной шкаф с тремя створками, комод со старым телевизором и холодильник в углу. В прихожей стояли лишь обеденный стол и два стула. Из-за нехватки мебели комната казалась пустой и неудобной.

Дин включил кондиционер. Аппарат издал утробный гул, задрожал, но прохлады не прибавилось — лишь по комнате потянуло влажным, спертым воздухом, от которого становилось только жарче.

Дин стянул с себя пропитанную потом одежду и, обнаженный, вышел во двор. Схватив у стены таз, он поставил его под кран, набрал ледяной воды и вылил на себя.

Холод принес мимолетное облегчение. Бросив таз на землю, он поднял руки и, вывернув шею, осмотрел плечи: на коже отчетливо виднелись багровые полосы, словно от ударов палкой.

— Черт... — Дин поморщился от боли и, раздраженно мотнув головой, пробормотал себе под нос: — Как же это бесит. Завтра этот придурок увидит и опять начнет строить догадки!

— Тогда держи рот на замке и не смей ему ничего рассказывать, — внезапно прозвучал в пустом темном дворе строгий голос.

## Глава 1

В выходные, когда стоит невыносимая жара, лучшее занятие — сидеть дома под кондиционером, попивая холодные напитки. Ян Имин тоже мечтал об этом, но одна фраза заставила его изменить планы.

— Дам тысячу юаней, возьмешься? — спросил Ян Шуанмин.

— Возьмусь! — не раздумывая, выпалил Ян Имин.

Однако в шесть вечера, стоя у ворот парка развлечений с восьмилетней племянницей, он был готов рвать на себе волосы от досады.

— Маленький дядя, на чем покатаемся сначала? — Сюй Чжуцзюнь теребила его за руку, глядя на него с нескрываемым ожиданием.

— Может, сходим в Макдоналдс, поиграем в игру на телефоне? — с призрачной надеждой предложил Ян.

Сюй Чжуцзюнь посмотрела на него взглядом, полным сочувствия к чужой глупости:

— Мама сказала, чтобы ты отвел меня в парк развлечений. Макдоналдс у нас и внизу дома есть.

— Но посмотри, как жарко.

— Солнце уже садится, не так уж и жарко, — парировала Сюй Чжуцзюнь. — К тому же, мама специально отправила нас на вечерний сеанс.

— Все равно жарко. — Ян оттянул воротник футболки, чувствуя, как струйки пота стекают по груди. Тело стало липким, кожа нестерпимо чесалась. Голова горела, а по лбу градом катился пот.

— Ты же взял деньги, — девочка упрямо вскинула подбородок. — Уговор дороже денег.

Ян усмехнулся:

— Не говори глупостей. Кто тут пострадавший, ты?

— Взял — отработывай, — невозмутимо поправилась Сюй Чжуцзюнь. — Плати и веди меня кататься!

Ян вытер лицо, стряхивая пот с ресниц, и мысленно взвыл: «Кто бы мог подумать, что билет стоит двести юаней! А еще покормить эту егору в Пицца Хат — это еще двести. Потом еще напитки, игрушки... В итоге я не только ничего не заработаю, но еще и в минус уйду...»

Старый конь борозды не портит, а старшие всегда хитрят!

Ян посмотрел на племянницу, чьи глаза были полны обвинения, и поплелся за ней, проклиная про себя сестру: «Ян Шуанмин, если бы ты не была моей родной сестрой, я бы тебя искусал!»

\*\*\*\*\*

Около девяти вечера Ян Имин, окончательно обессилив, рухнул на парковую скамейку. Закрыв глаза, он выудил из кармана пятьдесят юаней и протянул их племяннице:

— Чжуцзюнь, умница, сходи купи дяде что-нибудь холодное.

— Может, ты здесь посидишь, а я сама схожу покатаюсь и вернусь? — предложила девочка.

— Ни в коем случае! — Ян крепко схватил ее за руку, боясь, что она убежит. — Здесь столько людей, а вдруг толпа? Вдруг потеряешься?

— Тц-тц, — недовольно проворчала Сюй Чжуцзюнь. — Зачем ты вообще пошел со мной? Тебя даже от американских горок мутит, зачем ты вообще сюда притащился?

— Я же тебя сопровождаю, — обессиленно отозвался Ян. — Иди, купи воды, а на сдачу возьми себе что хочешь.

Сюй Чжуцзюнь с презрением взглянула на бледного, как мел, дядю,хватила деньги и направилась к киоску, ворча себе под нос: «Никакое это не сопровождение, просто тебе жалко денег за билет, вот и решил отбить их до последнего».

Ян всё слышал. Ему очень хотелось вскочить и прочитать лекцию о том, что такое уважение к старшим, но при его нынешнем головокружении он рисковал просто рухнуть в цветочную клумбу. «Взрослый не должен обижаться на ребенка, — утешал он себя, продолжая лежать на

скамейке».

Вскоре чья-то холодная бутылка коснулась его щеки. Ледяная прохлада пронзила кожу, и голова наконец-то перестала кружиться. Ян медленно сел, открутил крышку и залпом выпил полбутылки. Повернувшись к племяннице, он увидел, что девочка не теряет времени даром: в левой руке у нее было мороженое, в правой — сосиска в тесте, и она с аппетитом жевала.

— А мне почему не купила? — спросил Ян.

— Продавец сказал, что у тебя, скорее всего, тепловой удар, тебе можно только воду, — гордо ответила Сюй Чжуцзюнь, откусывая кусок сосиски.

— Откуда он знает?

— Я ему сказала, — буркнула она с набитым ртом. Ян смотрел, как она попеременно ест ледяное мороженое и горячую сосиску, и всерьез опасался, что дома у нее заболит живот. А если заболит живот, то Ян Шуанмин проест ему плешь. Ян решил, что должен отобрать либо мороженое, либо сосиску.

Только он протянул руку, как чья-то ладонь легла на плечо девочки.

— Разве так можно есть? — услышал он.

Ян поднял голову и увидел перед собой молодого человека.

— Ты чего? — Ян инстинктивно дернул племянницу на себя, прижимая ее к себе, а другой рукой отмахнулся, задев парня по локтю. Он сердито уставился на незнакомца. Тот был одет в светло-голубую рубашку, поверх которой был надет белый фартук, а на голове красовался бумажный ободок с логотипом парка и изображением смешной хаски. Видимо, сотрудник.

— Ой, простите, — молодой человек резко отдернул руку и смущенно отступил. — Я... я не...

Он пробормотал что-то невнятное. Ян не разобрал слов, лишь заметил, как парень опустил голову, а его кулаки сжались от напряжения. Девочка, прижавшаяся к Яну, подала голос:

— Это тот самый продавец.

Ян окинул парня внимательным взглядом. Одежда действительно была как у сотрудника парка, но поведение казалось странным. Ян отпустил племянницу и сделал шаг вперед, невольно закрывая ее собой.

— Молодой человек, вы что-то хотели? — холодно спросил Ян. В его голосе звучала строгость, отчего парень снова попятился.

— Нет, ничего, — промямлил он. Казалось, он был напуган, его голос заметно дрожал.

Глядя на эту робкую, почти трусливую фигуру, Ян выдохнул. Вряд ли это похититель детей.

— Сдачу неверно дал? — предположил Ян.

Парень покачал головой и, взглянув на Яна с беспокойством, произнес:

— Сдачу дал верно. Просто девочка сказала, что у вас тепловой удар. Вот... у меня есть таблетки.

Он вытащил из кармана маленький пузырек и протянул его Яну. Ян смотрел на лекарство, лежащее на ладони юноши, и не двигался. Парень, немного осмелев, протянул руку еще ближе и с доброй улыбкой добавил:

— В такую жару многие страдают от теплового удара. Нам в парке положено носить с собой лекарства на случай, если кому-то станет плохо... Примите пару штук.

Сюй Чжуцзюнь выглянула из-за спины дяди:

— Маленький дядя, этот брат очень хороший! Когда я покупала воду, он спросил, почему я одна, ведь тут такая толпа, это опасно. Я сказала, что ты плохо себя чувствуешь, и он посоветовал купить тебе воды.

Ян почувствовал, как к лицу прилила кровь. Действительно, в таком людном месте отпускать восьмилетнего ребенка одного за водой было опрометчиво. Он неловко кашлянул, подозревая, что на лице парня читается немое осуждение: «Посмотрите на этого безответственного папашу».

— Спасибо, — Ян протянул руку, собираясь взять пузырек, но в последний момент передумал и небрежно поправил волосы. — Мне уже лучше, я почти не чувствую головокружения. Но все равно спасибо.

Парень нахмурился, внимательно посмотрел на Яна и кивнул:

— Лицо у вас действительно нормальное. Но возьмите пузырек, вдруг пригодится? У меня в киоске еще целая коробка. Не стесняйтесь.

Ян взял лекарство. Сюй Чжуцзюнь потянулась было к пузырьку, но Ян шлепнул ее по руке:

— Не трогай, потеряешь еще.

Он быстро сунул пузырек в свою сумку, а девочка недовольно сморщилась.

Молодой человек закусил губу и после короткой паузы сказал:

— Это правда таблетки от теплового удара, они есть у всех сотрудников. Если увидите кого-то другого, вам тоже дадут.

Ян почувствовал, как у него зазвенело в ушах, а лицо вспыхнуло. Он не ожидал, что парень окажется таким проницательным. На самом деле Ян сомневался в искренности незнакомца и подлинности лекарств, поэтому и не хотел их брать. Он думал, что достаточно хорошо скрывает свои подозрения, но парень всё понял.

Яну стало так неловко, что он не знал, что ответить. Любые оправдания лишь подтвердили бы его недоверие.

— Меня зовут Дин Цзыму, — молодой человек поправил фартук, открывая металлический бейджик на груди, и серьезно добавил: — Я работаю в киоске номер двадцать четыре, продаю сахарную вату.

\*\*\*\*

До самой дороги домой Сюй Чжуцзюнь не переставала ворчать, копируя манеру своей матери. Ян Имин подумал, что у этой девчонки задатки заправской сплетницы, и ее ждет «блестящее» будущее.

— Девочка, — Ян остановился у двери дома сестры, — ты скоро замолчишь?

— Я расскажу маме, что ты заставил меня одну идти так далеко за водой!

— Подожди-подожди, — Ян надавил ей на плечи. — Какое далеко? Там и пятидесяти метров не было!

— Там было полно людей! — Сюй Чжуцзюнь сверкнула глазами. — И у меня живот заболел.

— Да ничего у тебя не заболело! — не выдержал Ян. — Ты только что съела детский набор в КФС.

— К тому же, тот добрый продавец хотел помочь, а ты его подозревал!

— Откуда ты знаешь, что он добрый?

— Он не похож на плохого, он такой красивый... Не то что ты.

— Ты хочешь сказать, что я некрасивый или что я похож на злодея? — Ян почувствовал, как внутри закипает возмущение.

— Я хочу сказать, что нельзя так подозревать людей. Мама говорит, что ты от своей психологии совсем свихнулся, постоянно что-то выдумываешь. Дядя, а что такое психология?

Ян замер, чувствуя, что разговор уходит в сторону. Он присел на корточки и, нацепив «добрейшую» улыбку, спросил:

— Чжуцзюнь, у тебя живот еще болит?

Девочка то кивнула, то покачала головой.

— Так болит или нет?

— Дядя, — Сюй Чжуцзюнь подошла ближе, обняла его за шею и прошептала: — Если мама узнает, что ты заставил меня одну идти так далеко, да еще и разрешил съесть то, от чего у меня заболел живот, она будет очень злиться. Не бойся, дядя, я никому не скажу. Я сохраню твой секрет!

Ян закатил глаза, с трудом сдерживаясь, чтобы не взвыть от несправедливости.

— Ну хорошо, Чжуцзюнь, — проскрипел он зубами, — как мне тебя отблагодарить?

— Не надо, — она чмокнула его в щеку. — Я так люблю маленького дядю! Дядя, отвези меня в следующие выходные на фестиваль на пляже, ладно?

Ян покорно кивнул, отчетливо видя, как у племянницы за спиной вырастают рожки.

## Глава 2

В понедельник, седьмого августа, Ян Имин проснулся от звонка телефона.